

Список литературы

1. Бойко А. П. Логический анализ структуры классификации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983.
2. Брюшинкин В. Н. Логика. Мышление. Информация. Л., 1988.
3. Войшвилло Е. К., Дегтярев М. Г. Логика как часть теории познания и научной методологии (фундаментальный курс): в 2 кн. М., 1994. Кн. 2.
4. Войшвилло Е. К. Понятие как форма мышления: логико-гносеологический анализ. М., 2009.
5. Грифцова И. Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М., 1998.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2000.
7. Сироткина Л. С. Логические модели аналитических обобщений и ограниченных понятий // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. Вып. 12. С. 105–114.
8. Сироткина Л. С. Понятие как форма мысли: проблема логических характеристик // Критическое мышление, логика, аргументация: сб. ст. / под общ. ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. Калининград, 2004. С. 156–171.

Об авторе

Людмила Сергеевна Сироткина — ст. преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: lyusir.ru@mail.ru

About author

Lyudmila Sirotkina, Assistant Professor, I. Kant Baltic Federal University, e-mail: lyusir.ru@mail.ru

УДК 16

А. Г. Пушкарский

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ЛОГИКИ: СИНТЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Обосновывается синтетический подход в методологии истории логики, основанный на концепции «образа логики», принципе методологического дуализма и поризматической модели развития науки.

The author justifies the synthetic approach in the methodology of history of logic, which is based on the "image of logic" concept, the principle of methodological dualism, and the porismatic model of science development.

Ключевые слова: история логики, предмет логики, образ логики, принцип методологического дуализма, методология науки, поризматическая модель, рациональность.

Key words: history of logic, object of logic, image of logic, principle of methodological dualism, methodology of science, porismatic model, rationality.

Решение ключевых проблем любой научной методологии, и в особенности проблемы рациональности¹, зависит от трактовки эволюции логики. Одной из примечательных особенностей историко-логических исследований оказывается то, что они иногда приводили не просто к выявлению и прояснению определенных логических понятий и концепций прошлого, но и к созданию совершенно новых логических теорий. Так, например, выдающийся польский логик Ян Лукасевич в своей попытке найти наиболее адекватное объяснение логических идей Аристотеля, а затем и реконструировать их методами современной логики построил первые системы многозначных логик. Его ученик, английский логик Артур Прайор для исследования логики Диадора Кроноса, древнегреческого философа – мегарика, построил первое исчисление временной логики. Следует отметить и то обстоятельство, что в появлении современной символической логики историко-логические работы сыграли, видимо, далеко не последнюю роль. К примеру, Бертран Рассел сам признавал, что на формирование его логико-философских концепций и логико-математических теорий сильно повлияли исследования логики и философии Г. В. Лейбница, предпринятые им в начале его философского пути. Конечно, это наиболее известные, но, по видимому, далеко не единственные случаи подобного рода.

С другой стороны, именно в методологии истории логики часто возникают серьезные сложности, и она чаще всего оказывается менее всего проработанной в такого рода исследованиях, что приводит не просто к неясностям и неточностям в определении предмета, но иногда к ошибочному пониманию изучаемого предмета. Поэтому мы, опираясь на труды Б. С. Грязнова [6], И. Н. Грифцовой [5] и разработки, ведущиеся на кафедре логики БФУ им. И. Канта (см., например: [4; 11]), предложили синтетический подход к методологии историко-логических исследований, основанный на *принципе методологического дуализма в истории логики* [12]. Он предполагает использование как научно-исторических, так и историко-философских методов исследования, поскольку история логики в большей степени принадлежит философии, чем самой логике как самостоятельной науке.

Если при изучении истории логики с точки зрения истории науки мы можем использовать обычные, уже достаточно разработанные методы истории науки, то при рассмотрении истории логики с точки зрения истории философии важнейшим будет выявление ее философских интерпретаций, их изменений, взаимодействий и соотношений. Здесь наиболее подходящей концепцией, которую мы можем положить в основу подхода к построению удовлетворительной методологии истории логики, оказывается концепция, базирующаяся на понятии *образ логики*, введенном И. Н. Грифцовой [5, с. 15–18], и получившая дальнейшую разработку в трудах В. Н. Брюшинкина и В. С. Поповой. На-

---

¹ Пример такого исследования можно найти в статье В. Н. Брюшинкина [1]. Здесь разрешение проблемы рациональности связано с новым подходом в методологии теории аргументации. А поскольку логику принято определять как теорию рассуждений, то теории ее эволюции и должны быть главным предметом в изучении данной проблемы.

пример, мы можем указать на недавнюю совместную статью указанных авторов, которая посвящена раскрытию образа логики русского логика и философа-неокантианца А.И. Введенского [4]. «Образ логики — это восприятие научным сообществом состава логики и ее теоретической и практической роли в науке и культуре» [5, с. 15]. Такой подход предполагает выделение главных параметров образа логики для конкретных историко-логических исследований. В монографии В.С. Поповой «Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века» для анализа образов логики А.И. Введенского и Н.О. Лосского были выбраны следующие параметры: «тип логики; философские установки; приложения логики; связь логики с мышлением; трактовка логических законов; степень отрефлексированности логической концепции и ее оснований» [11, с. 106]. Однако, как нам представляется, кроме этого, а также состава и представлений о роли логики [12, с. 209] ключевым параметром должен быть предмет логики, или, иначе говоря, представления о природе логического.

Таким образом, синтетический подход к методологии истории логики дает нам право исследовать историю логики, с одной стороны, как *историю науки*, т.е. как последовательное изложение истории наиболее важных исторических персоналий, генезиса отдельных логических идей и концепций, открытия определенных логических теорий, формальных и содержательных, и их дальнейшую эволюцию. С другой стороны, такой подход может помочь выявить глубинные взаимосвязи между различными логическими концепциями, которые часто противостоят или даже противоречат друг другу, а также понять, почему эти логические концепции не сменяли друг друга, а сосуществовали в различные исторические эпохи и в той или иной мере сосуществуют и сегодня.

Данная методологическая концепция не только позволяет обосновать исследовательские методы с философской точки зрения, но помогает дать ответы на самые запутанные вопросы, связанные с историко-логическими исследованиями, поскольку самые серьезные инновации в логике происходят в результате взаимодействия и столкновения различных образов логики, как, например, концепции Ф.Г. Брэдли — Б. Рассела; Б. Рассела — К.И. Льюиса и тому подобные, а также не только наиболее адекватно изучать эволюцию понятия рациональности, но и выявить различия в типах рационального мышления, которые лежали в основе генезиса главных логических концепций, их соотношение и взаимодействие.

Конечно, такой методологический подход может вызвать ряд возражений. Во-первых, чтобы ни говорилось о разных концепциях, парадигмах и образах логики, практически всегда любой действующий историк логики использует «линейно-кумулятивный» принцип формирования исторического материала. И если рассматривает методологические вопросы, то делает это в рамках обсуждения проблем философии логики, а сама по себе методологическая позиция автора практически не влияет на структурирование фактического материала.

Возьмем, например, одну из более или менее недавно вышедших работ, посвященных истории логики, «Философская логика: Истоки и

эволюция» [16]. Во введении называются три основные логические парадигмы, а именно традиционная, трансцендентальная и аналитическая, которые, по мнению А. Н. Шумана, последовательно сменяли друг друга как исторические этапы развития логики. Автор указывает на определенную «двойственность» в подходе к выделению критериев для обоснования этих логических парадигм, однако в результате получается, что эта «двойственность» для истории логики не имеет особого значения, так как этап традиционной логики полностью совпадает с периодом традиционной парадигмы и последующей за ней трансцендентальной парадигмой, а следующий исторический этап — математическая логика с аналитической парадигмой: «Таким образом, история логики условно может быть разделена на различные этапы по двум критериям: во-первых, с позиции формальной базы, во-вторых, с позиции той общей метатеории, внутри которой обосновывается логическое исчисление. По первому критерию различаются традиционная и математическая логика, по второму — вышеназванные три парадигмы. Если традиционная логика в качестве своей метатеоретической надстройки имела либо традиционную парадигму, либо трансцендентальную, то математическая в качестве таковой имеет аналитическую парадигму философской логики» [16, с. 7]. Вторым интересным моментом в методологическом подходе автора представляется точка зрения, которую он использует для обоснования способа различения логических парадигм: «В конечном итоге специфику парадигм философской логики можно свести к определенному различию исходной роли логического знания в том или ином обществе» [16, с. 8]. Здесь, по существу, повторяется характеристика образа логики, данная И. Н. Грифцовой, а именно роль логики в социальной и политической деятельности. Подход, основанный на понятии образа логики, более глубокий, эффективный и богатый, поскольку он предполагает применение и некоторых других параметров, указываемых в зависимости от цели исследования. И в итоге мы можем наблюдать, что методологические взгляды А. Н. Шумана почти не сказываются на структуризации историко-логического материала, отнесение отдельных логических концепций и персоналий к определенным логическим парадигмам представляется достаточно спорным, а расположение фактического материала оказывается еще более «исторически-прямолинейным» чем, например, в классических работах А. О. Маковельского [8] и Н. И. Стяжкина [14].

Естественно, возникает вопрос, не будет ли также и заявленный нами методологический подход страдать тем же недостатком. Как нам кажется, это может происходить совсем не потому, что синтетический подход к методологии логики практически не применим непосредственно к фактическому материалу истории логики и (или) имеет отношение к области философии логики, т. е. к области философской интерпретации логики или логик. Во-первых, данный подход и принцип методологического дуализма в истории логики гораздо труднее осуществим, поскольку он требует не просто рассмотрения развития логики и эволюции ее теорий и концепций, а прежде всего более глубокого исследования их взаимосвязи и соотношений с различными философ-

скими системами и направлениями в исторически-социальном контексте. Во-вторых, любая отдельная работа по истории логики имеет свою определенную цель, которая часто задается самим названием труда. Так, к примеру, книга Стяжкина называется «Формирование математической логики», а Шумана – «Философская логика: Истоки и эволюция». В зависимости от цели исследования по возможности должна выбираться его методология. И здесь синтетический подход к методологии логики может оказаться весьма удобным и эффективным, поскольку более или менее точно цель исследования будет диктовать отбор параметров образа логики и критериев выбора конкретных методов работы, т.е. научно-исторических и (или) историко-философских. В противном случае все будет зависеть от «субъективного» произвола автора, а именно от того образа логики, которого он придерживается, возможно, сам того не осознавая. Любой историк логики всегда находится под влиянием принятого им образа логики, и ему довольно трудно будет встать на позицию отстранения от него и согласиться с определенным метатеоретическим взглядом на историю эволюции логики. А это означает, что под вопросом оказывается рациональная реконструкция истории логики, которая, собственно, и должна быть целью любого научно-исторического исследования.

Так, например, для «символического» логика наука логика вполне самостоятельная и полноценная. И, как почти любая другая дисциплина, она когда-то зародилась в недрах философии, а затем, окончательно оформившись благодаря обретению точных математических методов, выделилась в самостоятельную науку. Правда, тут может возникнуть еще один вопрос. Дело в том, что если понимать символическую логику как синоним логики математической, то сразу появляется проблема демаркации границ логики и математики. «Математическую логику можно определить как логику, пользующуюся математическими методами» [10, с. 7]. По словам Ю.И. Манина, происходит это таким образом: «Можно пользоваться логикой для описания арифметики и можно пользоваться арифметикой при обсуждении логики. Искусная комбинация обоих уровней однозначно демонстрирует ограничения, внутренне присущие чистой логике как познавательному инструменту, даже когда он применяется “только” к самой чистой логике» [9, с. 27]. Тем не менее если саму эту «искусную комбинацию» осуществлять математическими методами, то возникает соблазн и саму «чистую» логику рассматривать как исключительно математическую теорию, как некоторый раздел математики. Так может происходить, например, «если принять во внимание выдвинутый Тарским на основе его критерия инвариантности философский тезис о математической по существу природе логики как теории кардинальности» [7, с. 27]. Получается, что если из-за результатов К. Гёделя, А. Тарского и А. Чёрча программа логизма, т.е. сведения всей математики к логике, оказалась неосуществимой, то, возможно, логика имеет математическую природу и в своей сути неотличима от математики.

Как нам представляется, дело здесь заключается в том, что решить проблему демаркации границ логики и математики с точки зрения об-

раза логики, сформировавшегося на базе программы формализма Д. Гильберта и предполагающего рассматривать логику как метаматематику, т.е. как теорию формальных доказательств и формальных моделей, просто невозможно. Происходит это потому, что принятие (явное или неявное) какого-либо одного образа логики позволяет отчетливо рассмотреть некоторые аспекты логики и совсем не замечать другие. Так, для адекватной и рациональной реконструкции истории логики желательно определение различных образов логики, повлиявших на генезис отдельных логических теорий и концепций.

Вышесказанное могло бы быть ответом на возражение против тезиса, согласно которому «сама по себе история логики в большей степени принадлежит философии, чем самой логике как самостоятельной науке». Более того, на наш взгляд, даже на вопрос, поставленный еще Аристотелем, о том, является ли логика частью философии, самостоятельной наукой или же теорией научной методологии, ответ оказывается невозможным, если не принимать во внимание те образы логики, которые лежат в основе конкретной логической концепции. А это, по сути, означает создание возможностей для рациональной реконструкции.

Наконец, третье возражение против данного синтетического подхода, которое, видимо, легко могло бы возникнуть, — это упрек в релятивизме. Например, как пишет Б.С. Грязнов: «При таком подходе к научному знанию исчезает различие не только между истиной и заблуждением, но становится невозможным даже провести различие между наукой, мифом, магией и т.п.» [6, с. 207]. Сказанное в нашем случае подразумевает, что в историю логики можно включить и то, что логикой не является или не имеет к ней отношения, а также это позволило бы объяснить и оправдать разные логические ошибки, заблуждения и т.д. Данное возражение вполне может быть убедительным, во-первых, поскольку чем больше в методологии используется различных принципов, параметров, отдельных методов и другого, тем легче манипулировать историческим материалом и (или) подгонять его под нужный автору результат или же под неосознанно принимаемые концептуальные установки. Во-вторых, рассматриваемый подход предполагает применение отдельных методов научно-исторического и историко-философского исследования, которые сами по себе могут содержать указанный недостаток. Тем не менее мы считаем, что наш синтетический подход к методологии истории логики если и релятивистичен, то скорее в том смысле, что имеет сходство с принципом дополнительности в квантовой механике или свойством дополнительности в математике. И к тому же он может адекватно работать только при ясной экспликации методологических принципов, выбора научно-исторического и историко-философского методов и способов их соотношения и, таким образом, четкого описания всего используемого методологического аппарата. Это должно исключить возможность исторических натяжек и подтасовок и создать достаточную методологическую базу для рациональной реконструкции как истории самой логики, так и истоков ее изменений и эволюции.

Как нам представляется, хороший пример такой рациональной реконструкции истории логики — работа В.Н. Брюшинкина и Н.А. Хо-

диковой (см., например: [2; 3; 15]) по происхождению теории поиска вывода, выполненная на основе поризматической модели развития науки, которая предложена Б. С. Грязновым в его работе «О взаимоотношении проблем и теорий» [6, с. 111–118]. Как указывают сами авторы, «эта модель оказывается достаточно универсальной, чтобы быть применимой к реконструкции происхождения и развития как естественнонаучных, так и логико-математических теорий» [3, с. 205]. Однако «задача осложняется тем, что сам Б. С. Грязнов дал только общую идею этой модели и на примерах показал ее применимость для рациональной реконструкции истории науки» [3, с. 205–206]. Поэтому «применение этой модели к историко-логическому материалу требует определенной доработки самой модели» [3, с. 205].

В чем суть концепции Грязнова? Во-первых, он проводит четкое различие терминов *проблема* и *задача*: «Проблема и задача отличаются друг от друга не содержанием вопросов, а характером решений (ответов): решением проблемы будет теория в целом; решением задачи — некоторая часть теории» [6, с. 114]. Во-вторых, вводится понятие *поризма* — это определенное промежуточное следствие, полученное в результате решения *задачи* и представляющее собой некоторый неожиданный и непредвиденный результат теории. Эта непредвиденность состоит в том, что его интерпретация не может быть согласована с другими уже признанными результатами данной теории, и тогда такой результат может стать отправной точкой для построения новой теории. Таким образом, научная *проблема* появляется только после формулировки этой новой теории, поскольку «проблема уже содержит в себе и свое решение, так как оно существует в теории до существования проблемы» [6, с. 114]. Отсюда вытекает важный вывод, что историю науки невозможно рационально реконструировать как историю проблем, так как она не относится к самой науке, а есть «способ понимания теории» [6, с. 118]. Следовательно, история науки представляет собой историю теорий, где одна теория логически следует из другой, в значительно большей степени, чем историю идей и работ отдельных ученых, излагаемых в хронологическом порядке. Поэтому история науки должна включать прежде всего исследования по рациональной реконструкции возникновения новых теорий².

Следующий вывод состоит в том, что рациональное воспроизведение истории науки может быть только в рамках *интерналистской* концепции ее развития. Она предполагает, что все изменения в науке происходят в результате внутренних процессов в самом научном знании. Главными критериями такой концепции, по Грязнову, «являются однородность (однородность) и замкнутость системы знания относительно

---

² Отметим, что для работ по истории логики, как классических, так и новых, как отечественных, так и зарубежных, до сих пор характерно практически полное отсутствие исследований по истории логических теорий в отличие от тех методологических концепций истории науки, которые были выработаны в XX в.

некоторого мира объектов» [6, с. 104]. А это, в свою очередь, ставит вопрос о достаточности использования поризматической модели в историко-логических исследованиях. «Однако проблема поризматической модели заключается в том, что при таком подходе новая теория в определенном смысле становится логическим следствием предшествующей теории» [3, с. 206]. Далее авторы отмечают: «Вместе с тем общепризнано, что новая теория предполагает возникновение нового языка, включающего термины и их отношения, отсутствующие в предшествующей теории, и нового объектного мира теории» [3, с. 206]. Проанализировав пример появления теории комплексных чисел и построив реконструкцию возникновения теории поиска вывода из гильбертовской теории доказательств, они приходят к следующему выводу, что возникновение новой теории в логико-математических науках существенно отличается от того же процесса в эмпирических науках. «Главное различие состоит в том, что логико-математические науки, в отличие от эмпирических, не предполагают эмпирической проверки теорий и связанной с ней эмпирической интерпретации... на место такой эмпирической интерпретации в логико-математических науках заступает интерпретация из новой области задач или объектов» [3, с. 207]. То есть речь идет о представлениях о роли и задачах логики или математики и об их предмете. Но это и есть то, что, по нашему мнению, становится главными параметрами образа логики.

Так, параметры образа логики — та матрица, с помощью которой осуществляется интерпретация логических теорий, а ее преобразование, толчком и определенной теоретической базой чего служит поризм, приводит к созданию новой теории. Однако, по Грязнову, некоторые параметры образа логики, такие, как роль логики в культуре и науке, связь логики и мышления, философские основания логики и так далее, относятся к *экстерналистской* концепции науки. Она, по мнению автора, не может быть основой создания методологической модели развития науки, поскольку имеет другой объект изучения, а именно «изучение науки как социального института в системе социальной действительности» [6, с. 104]. Но дело в том, что интерпретация логических теорий в силу специфики логической дисциплины, упомянутой выше, — это практически всегда философская интерпретация. А «задачей философии оказывается обоснование решения проблем» [6, с. 102], в том числе и социально-философское и культурно-философское обоснования. Это означает, что объект историко-логического исследования отличается от объекта историко-научного исследования, и для него наиболее подходящим как раз становится синтетический подход в методологии истории логики, которому и посвящена данная статья.

В заключение нам бы хотелось сказать несколько слов о проблеме рациональности, поскольку все вышесказанное имеет к ней непосредственное отношение. В своей работе «Проблема рациональности» В. А. Смирнов пишет о том, что из классического понимания рациональности «естественно следует дуализм в понимании природы и человека, сферы

духа, сферы культуры» [13, с. 280]. Это приводит к проблеме монизма и дуализма, т.е. к вопросу «единый характер носят науки о природе и человеке или они в принципе различны?» [13, с. 280]. Далее автор отмечает: «Сейчас очень остро стоит проблема новой формы рациональности», и утверждает, что «имеются новые факты, которые заставляют нас вновь вернуться к проблеме монизма» [13, с. 281]. Действительно, в философских работах, посвященных проблеме рациональности, существует как минимум две противостоящие друг другу концепции рациональности. И эти концепции продолжают «размножаться», а само понятие рациональности размывается и релятивизируется. Однако, как нам представляется, указанная проблема если не надумана, то преувеличена, и не столько потому, что «логические исследования во многом сейчас ориентированы на учет роли субъекта, от чего они ранее абстрагировались» [13, с. 282]. Дело в том, что в подобных философских работах часто подменяются объект исследования и его философские интерпретации. Поскольку в основе любого типа рациональности лежит та или иная логика, то одним из главных объектов исследования рациональности будет история логики. И, таким образом, как нам кажется, исследование проблемы рациональности, ее типов и характеристик с помощью синтетического подхода в методологии истории логики может помочь избежать фатальной неразрешимости указанной проблемы и дать возможность создания удовлетворительной ее теоретической концепции. То есть дуалистичным или даже плюралистичным будет не объект исследования рациональности, а методология построения согласованной концепции рациональности.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, грант № 10-03-00745а «Логика в России: спор А.И. Введенского и Н.О. Лосского».

Список литературы

1. Брюшинкин В.Н. Аргументация, коммуникация, рациональность // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. Вып. 6. С. 5–11.
2. Брюшинкин В.Н. О возникновении теорий в логике: теория поиска вывода как поризм // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: сб. науч. тр. / под. ред. А.Я. Слинина. Л., 1990. С. 17–18.
3. Брюшинкин В.Н., Ходикова Н.А. Рациональная реконструкция происхождения теории поиска вывода из гильбертовской теории доказательств // Модели рассуждений – 1: логика и аргументация: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград, 2007. С. 205–218.
4. Брюшинкин В.Н., Попова В.С. Логика в русском неокантианстве: образ логики А.И. Введенского // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М., 2010. С. 165–178.
5. Грифцова И.Н. Логика как теоретическая и практическая дисциплина. К вопросу о соотношении формальной и неформальной логики. М., 1998.
6. Грязнов Б.С. Логика, рациональность, творчество. Изд. 2-е. М., 2002.
7. Драгалина-Черная Е.Г. Границы логики: новые критерии демаркации // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: матер. X Всероссийской науч. конф. СПб., 2008. С. 25–27.
8. Маковельский А.О. История логики. М., 1967.

9. Манин Ю.И. Математика и культура // Манин Ю.И. Математика как метафора. М., 2010. С. 15–51.
10. Марков А.А. Элементы математической логики. М., 1984.
11. Попова В.С. Спор о логике в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века. Калининград, 2010.
12. Пушкарский А.Г. О методологии истории логики // Модели рассуждений – 2: аргументация и рациональность: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград, 2008. С. 204–213.
13. Смирнов В.А. Проблема рациональности // Логико-философские труды В.А. Смирнова / под ред. В.И. Шалака. М., 2001. С. 279–282.
14. Стяжкин Н.И. Формирование математической логики. М., 1967.
15. Ходикова Н.А. Логико-методологическое исследование происхождения теории поиска вывода: дис. ... канд. филос. наук. Калининград, 2004.
16. Шуман А.Н. Философская логика: Истоки и эволюция. Минск, 2001.

Об авторе

Анатолий Геннадьевич Пушкарский – ст. преп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: pushcarskiy@mail.ru

About author

Anatoly G. Pushcarsky, Assistant Professor, Department of Philosophy, I. Kant Baltic Federal University, e-mail: pushcarskiy@mail.ru

УДК 101.8

В. И. Повилайтис

ПРОБЛЕМА РАЦИОНАЛЬНОСТИ ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 20–50-х ГОДОВ XX ВЕКА

Рассматривается философия истории в русском зарубежье. Определяется специфика объекта исследования, дается его общая характеристика.

This article examines Russian philosophy of history abroad. The author identifies the features of object of research and gives its general characteristics.

Ключевые слова: история, философия истории, методология, познание, философия русского зарубежья.

Key words: history, philosophy, history, methodology, cognition, Russian philosophy abroad.

Цель данной статьи в том, чтобы проследить проблему рациональности на материале, который нам предоставляет философия истории русского зарубежья. Конечно, вполне возможно, определив однозначные принципы и критерии, назвать тех, кто, по нашему мнению, ближе